

Въ **1274 г.** Павша умеръ. Василий Ярославичъ пріѣхалъ въ Новгородъ, и при немъ въ посадники опять выбранъ былъ Михаилъ Мишиничъ ¹¹⁷).

Въ концѣ **1275 г.** Василий зачѣмъ-то ѣздилъ въ орду, откуда возвратился уже въ слѣдующемъ **1276** году во Владиміръ. Въ томъ же году онъ умеръ въ Костромѣ, въ которой почти постоянно жилъ, будучи и великимъ княземъ, и погребенъ въ церкви св. Феодора, въ присутствіи многихъ князей. Тутъ были: Борисъ Васильковичъ ростовскій, Глѣбъ Васильковичъ бѣлозерскій, Михаилъ Ивановичъ стародубскій, внукъ Всеволода Юрьевича, Димитрій Александровичъ переяславскій и Феодоръ Ростиславичъ ярославскій ¹¹⁸).

Василий Ярославичъ былъ женатъ, но о женѣ его до насъ не дошло никакихъ извѣстій; не знаемъ даже имени ея. Равнымъ образомъ, ни изъ лѣтописей, ни изъ родословныхъ не видно, чтобы у него были дѣти ¹¹⁹).

Димитрій Александровичъ переяславскій.

1250 † 1294.

Въ **1259** году Александръ Невскій былъ въ Новгородѣ съ татарскими численниками, пріѣхавшими для переписи новгородской земли. По окончаніи переписи, которой предшествовали обычныя новгородскія смуты, татары выѣхали изъ Новгорода; вскорѣ послѣ нихъ выѣхалъ и Александръ, оставивъ тамъ сына своего Димитрія, который былъ, вѣроятно, еще очень молодъ ¹²⁰). Какъ Димитрій жилъ и управлялъ Новгородомъ до **1262** года,

117) Ibid. III, 63; Ник. III, 59 (подъ 1275 годомъ).

118) Ibid. I, 227; II, 345; III, 63; IV, 43; V, 199; VII, 172—173; XV, 405; Ник. III, 59—61. Никон. лѣт. восхваляетъ добродѣтели этого князя: любовь и милость къ церквамъ и духовенству и пр. По нѣкоторымъ извѣстіямъ (Тат. IV, 47) при немъ, въ 1275 г., было на Руси «второе число» изъ орды отъ хана. Замѣчательнъ также бывший при немъ соборъ въ 1274 г., когда во Владиміръ пріѣхалъ изъ Кіева митр. Кириллъ съ архим. Кіево-печерской лавры, Серапіономъ, для посвященія послѣдняго во епископа Владиміру и Суздалью. Этотъ соборъ можетъ считаться, по отношенію къ принятымъ мѣрамъ исправленія непорядковъ въ церкви и клирѣ, предвѣстникомъ Стоглаваго собора.

119) См. выше, примѣчаніе 113.

120) П. С. Р. Л. III, 57; V, 189—190; VII, 162; Ник. III, 40. По лѣтописямъ неизвѣстно, когда родился Димитрій; а Мальгинъ («Зерцало», 292) говоритъ, что въ 1250 г. во Владиміръ. Хотя лѣтопись и замѣчаетъ подъ 1263 г., по случаю изгнанія Димитрія изъ Новгорода, «зане князь еще малъ бяше»,—но надобно замѣтить, что въ Раковорской битвѣ

лѣтописи не оставили извѣстій. Но въ этомъ послѣднемъ году Александръ Невскій, намѣреваясь ѣхать въ орду, послалъ брата своего Ярослава п сына Димитрія съ новгородцами ратью на Юрьевъ (Дерптъ). Лѣтописи замѣчаютъ, что Димитрій воротился изъ этого похода «со многими товаромъ». Само собою разумѣется, что побѣда новгородцевъ и взятіе Юрьева зависѣли не отъ Димитрія, еще очень молодаго, а отъ нихъ самихъ или отъ князей, принимавшихъ въ этомъ походѣ участіе; тутъ были, кромѣ Ярослава Ярославича: зять Невскаго, Константинъ Ростиславичъ смоленскій, и полоцкій князь Товтивиль съ полочанами и литвой, съ которой новгородцы, не задолго до этого похода, помирились¹²¹⁾.

Для новгородцевъ, конечно, неудобно было имѣть у себя малолѣтняго князя и, какъ видно изъ слѣдующихъ событій, они только ждали удобнаго случая устранить его отъ себя. Случай этотъ скоро представился: 14-го ноября **1263** года умеръ Александръ Невскій, а въ слѣдующемъ году новгородцы, съ своимъ посадникомъ (Михалкомъ) во главѣ, выгнали отъ себя Димитрія, «зане князь еще малъ бяше», и посадили у себя дядю его, Ярослава Ярославича тверскаго¹²²⁾.

Въ 1268 году новгородцы открываютъ военныя дѣйствія противъ ливонцевъ, къ чему привлекаютъ и другихъ князей; посылаютъ и за Димитріемъ въ Переяславъ¹²³⁾. Димитрій, такимъ образомъ, принималъ участіе въ знаменитой битвѣ подъ Раковоромъ (Везенбергомъ) и въ битвѣ у р. Кеголи. Лѣтописи отводятъ даже видное мѣсто въ этомъ походѣ Димитрію. Такъ, въ концѣ января, по пути къ Раковору, отрядъ, въ которомъ находился Димитрій, напалъ на засѣвшую въ одной пещерѣ Чудь, которую

онъ былъ самостоятельно дѣйствующимъ лицомъ и называется (конечно, лѣтопись забѣгаетъ впередъ) великимъ княземъ (VII, 167); притомъ предъ походомъ новгородцы лично къ нему обращались.

121) Ibid. III, 57; IV, 39, 180; V, 190—191; VII, 163.

122) Ibid. III, 58; IV, 39; V, 191; VII, 164 (подъ 1263 г.); Ник. III, 42. Новгород. 4-я сначала говоритъ объ изгнаніи Димитрія, а потомъ уже о смерти Невскаго.

123) Воскр. (VII, 167) и Никон. (III, 46), говоря, подъ 1265 годомъ, о намѣреніи Ярослава Ярославича идти къ Пскову на литовскаго кн. Довмонта, который, вслѣдствіе происходившихъ въ Литвѣ кровавыхъ княжескихъ усобицъ, прибѣжалъ въ Псковъ и былъ предпочтенъ Ярославову сыну Святославу, замѣчаютъ, что новгородцы воспротивились намѣренію Ярослава, который и отослалъ свои полки въ Низовскую землю, а потомъ и самъ выѣхалъ изъ Новгорода, оставивъ тамъ, будто бы, Димитрія Александровича. Здѣсь, кажется, ошибка: въ 1266 г. новгородцы задумали съ кн. своимъ Юріемъ (конечно, Андреевичемъ, племянникомъ Ярослава Ярославича) идти на Литву (IV, 40); въ слѣдующихъ событіяхъ — въ битвѣ при Раковорѣ, въ походѣ на Занаровье — участвуетъ тотъ же Юрій, названный (въ IV, 41), конечно, по ошибкѣ *Александровичемъ*. Но въ Раковорской битвѣ или въ приготовленіяхъ къ ней Юрій участвуетъ уже, а Димитрія (III, 59) только еще приглашаютъ. Очевидно, Воскр. и Никон. лѣтописи приняли Димитрія Александровича вм. Юрія Андреевича, названнаго въ Новгородской 4-й *Александровичемъ*.

трудно было выбить оттуда, но выбили, благодаря «хитрости порочнаго мастера», который пустилъ въ пещеру воду; Чудь выбѣжала и была побита; а захваченный при этомъ товаръ отданъ былъ Димитрію. Въ дальнѣйшемъ разказѣ объ этомъ походѣ Димитрій изображается успѣшно дѣйствующимъ по собственному почину; послѣ побѣды, одержанной 18-го февраля, онъ три дня стоитъ «на костяхъ» и потомъ уже отправляется въ Новгородъ, а оттуда — въ Переяславль¹²⁴).

Въ 1270 г., послѣ того, какъ в. кн. Ярославъ Ярославичъ показалъ, что онъ хочетъ распорядиться въ Новгородѣ по своему усмотрѣнію, новгородцы подняли мятежъ и прогнали Ярослава, не смотря на обѣщаніе его во всемъ уступить «волѣ новгородской»; они послали въ Переяславль за Димитріемъ, прося его на новгородскій столъ; Димитрій отказался, не желая «взять стола передъ стриемъ своимъ»; а потомъ даже помогалъ Ярославу въ походѣ на Новгородъ и ходилъ съ нимъ въ 1271 г. въ орду¹²⁵). Но въ 1272 г., по смерти Ярослава, Димитрій желалъ и добивался Новгорода, хотя и долженъ былъ уступить в. кн. Василю Ярославичу, который располагалъ бѣльшими средствами для удержанія Новгорода за собой¹²⁶).

По смерти Василя Ярославича, въ 1276 г., Димитрій Александровичъ сдѣлался вел. кн. владимірскимъ; въ томъ же году новгородцы звали его къ себѣ, а въ 1277 г. посадили его на новгородскомъ столѣ въ недѣлю всѣхъ святыхъ¹²⁷). Въ слѣдующемъ 1278 году Димитрій съ своими псковскими полками и новгородскими ходилъ на Корелу и «положилъ всю землю ихъ», а въ 1279 г. выпросилъ у новгородцевъ позволеніе поставить для себя городъ Копорье (крѣпость въ Копорьи). Въ 1280 г. онъ лично, съ посадникомъ Михаиломъ и «большими мужи», пошелъ въ Копорье и заложилъ тамъ каменную крѣпость¹²⁸). Тогда же онъ и новгородцы, по ка-

124) П. С. Р. Л. I, 226; III, 58—60; IV, 40—41, 180—182; V, 193—195; VII, 167—168; Ник. III, 46—48. — Къ Раковору пошли января 23.

125) Ibid. III, 61, 220; IV, 42; V, 196; VII, 169; Супр. 37; Ник. III, 50—53.

126) См. подъ Василюемъ Ярославичемъ. Цит. см. въ прим. 116.

127) П. С. Р. Л. I, 227; II, 345; III, 63; IV, 43; V, 199; VII, 173; Ник. III, 57—61. Недѣля всѣхъ святыхъ — день переходный: это — второй воскресный день по Пятидесятницѣ; а такъ какъ Пасха въ 1276 г. была 5 апр., то недѣля всѣхъ святыхъ падала на 31 мая.

128) Ibid. III, 63; IV, 43; V, 199; VII, 174; Ник. III, 64 и сл. Въ IV говорится, что послѣ похода на Корелу Димитрій взялъ Тетяковъ, какъ будто этотъ Тетяковъ былъ поблизости. Тетяковъ или Дедаковъ — въ землѣ Ясовъ сѣвернѣе Дербента («Учебн. атл. по Р. Ист.», карта № 3 Э. Е. Замысловскаго). Дѣйствительно, въ 1277 г. русскіе князья—Борисъ ростовскій, Федоръ ярославскій, Глебъ Олонецкій и Андрей Городецкій—пошли въ орду, чтобы съ ханомъ идти на Ясовъ къ Тетякову. Но Димитрія не было въ числѣ этихъ князей: онъ пошелъ въ Новгородъ. — У Тат. IV, 51 объ этомъ походѣ

кимъ-то причинамъ, отняли посадищество у Михаила Мишинича, а на мѣсто его вывели изъ Ладоги Семена Михайловича¹²⁹). Всѣ эти послѣдніе факты указываютъ на то, что новгородцы были съ великимъ княземъ въ мирѣ и согласіи, а потому удивительнымъ кажется, что въ слѣдующемъ **1281** году у Димитрія произошелъ разладъ съ новгородцами. Нѣкоторые думаютъ, что этотъ разладъ произошелъ пзъ-за Копорья, которое новгородцы не хотѣли оставлять въ рукахъ великаго князя¹³⁰). Вслѣдствіе этого Димитрій Александровичъ вступилъ съ огнемъ и мечемъ въ Новгородскую землю и сталъ на Шелони. Сюда прибылъ къ нему новгородскій архіепископъ съ дарами и просьбой о мирѣ. До начала военныхъ дѣйствій къ Димитрію приходилъ тотъ же владыка, но тогда великій князь не взялъ мира съ новгородцами; теперь же онъ далъ миръ и уѣхалъ во Владиміръ, откуда вскорѣ отправился въ Ростовъ, гдѣ происходила ссора между братьями, Димитріемъ и Константиномъ Борисовичами, недавно получившими княженіе послѣ дяди Глѣба, а теперь отнявшими Бѣлозерскій удѣлъ у Глѣбова сына, Михаила. Димитрій примирилъ братьевъ. Между тѣмъ собственный его братъ, Андрей городецкій, руководимый, какъ объясняютъ лѣтописи, однимъ изъ своихъ приближенныхъ, «льстивымъ коромольникомъ, Семеновъ Тошгліевичемъ», въ томъ же 1281 году пошелъ въ орду, билъ челомъ хану на брата своего Димитрія и успѣлъ выпросить ярлыкъ на великое княженіе. До Андрея дошла въ орду вѣсть, что Димитрій собираетъ рать, укрѣпляетъ городъ, не хочетъ слушать ханскаго слова и уступать княженія младшему брату. Все это передано было хану, который и далъ Андрею татарскую рать, во главѣ съ Кавгадыемъ и Алчедаемъ. Андрей пошелъ къ Мурому и созывалъ сюда князей. Боясь ли пришедшей съ Андреемъ татарской рати, а главное — боясь ли оскорбить хана, давшаго Андрею великокняжескій ярлыкъ и рать, или желая ослабить великаго князя, къ Андрею явились: кн. Ѳеодоръ Ростиславичъ ярославскій, Михаилъ Ивановичъ стародубскій и Константинъ Борисовичъ ростовскій. Соединенные князья вмѣстѣ съ татарами пошли на Димитрія къ Переяславлю; но послѣдніе, кажется, не хотѣли и думать объ опредѣленной цѣли похода; они все по пути предавали огню и мечу: опустошили Муромъ, около Владиміра, Юрьева, Твери, Торжка, даже Ростова; Переяславль, въ которомъ не было Димитрія, взять былъ на щитъ. А все зло, по замѣчанію одной лѣтописи,

ошибочно говорится, что ханъ Менгутимуръ съ русскими князьями пошелъ за *Днистръ* и что князья «взяша славный градъ Язскій»; очевидно, Татищевъ думалъ, что походъ былъ въ Молдавію на городъ Ясы. Ср. Кар. IV, пр. 157.

129) Ibid. III, 63.

130) См. Карамз. IV, 80—81 и относящіяся сюда примѣчанія; Сол. III, 237.

сѣзгалъ Андрей, добываясь великаго княженія не по старшинству. Между тѣмъ Димитрій бѣжалъ къ Новгороду и хотѣлъ пробраться и засѣсть въ Копорья. Новгородцы вышли противъ него на Ильмень, заставили его отказаться отъ Копорья и показали ему путь; при этомъ они захватили, въ качествѣ аманатовъ (взяли въ таль) двухъ дочерей Димитрія и бояръ съ женами и дѣтьми, обѣщаваясь отпустить ихъ, коль скоро «мужи» Димитрія выйдутъ изъ Копорья. Это было 1-го января. Въ Копорья, вмѣстѣ съ дружиной Димитрія, находился и зять его Довмонтъ. Онъ, когда еще Димитрій имѣлъ дѣло съ новгородцами на Ильменѣ, набѣжалъ на Ладогу и захватилъ оттуда имущество тестя, а по выраженію Новг. 1-й лѣтописи — «задреша и ладоского» (прихватилъ), и воротился къ Копорью на Васильевъ день (1-го января). Между тѣмъ новгородцы, пославъ за Андреемъ, пошли на Копорье; дружина Димитрія вышла изъ города, который и былъ новгородцами разрушенъ, а земляныя укрѣпленія раскопаны («гору раскопаша»). Андрей прибылъ въ Новгородъ и сѣлъ на столѣ. Въ то же время и Димитрій, ушедшій изъ Новгородской земли за море, возвратился въ Переяславль. Андрей, послѣ обычнаго обряда сажанія на столъ новгородскій, взявъ съ собою нѣсколько новгородскихъ бояръ, поторопился во Владиміръ, такъ какъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ услышалъ, что Димитрій возвратился изъ-за моря съ большою ратью, укрѣпляетъ городъ и собираетъ полки. Новгородскихъ бояръ онъ захватилъ потому, что боялся брата. Изъ Владиміра, отпустивъ новгородскихъ бояръ, Андрей отправился въ Городецъ, а отсюда — въ орду съ жалобами на брата; съ нимъ отправился и Семень Тониглиевичъ. Между тѣмъ одинъ изъ отпущенныхъ имъ новгородскихъ бояръ, посадникъ Семень Михайловичъ, засѣлъ въ Торжокѣ и не пускалъ туда Димитріевыхъ намѣстниковъ, а «обиліе» (хлѣбъ) водянымъ путемъ препровождалъ въ Новгородъ. — Съ наступленіемъ **1283 г.**, Святославъ Ярославичъ съ тверичами, Даниилъ Александровичъ съ москвичами и новгородцы пошли ратью къ Переяславлю на Димитрія, который выступилъ противъ соединенныхъ силъ и сталъ въ Дмитровѣ. Не доходя 5 верстъ до этого города, противники Димитрія вступили съ нимъ въ переговоры и заключили миръ. Но Андрей и послѣ этого не могъ успокоиться: изъ орды онъ привелъ татарскую рать подъ начальствомъ Турайтемира и Алына, а воеводой былъ у нихъ Семень Тониглиевичъ. Рать эта начала пустошить Суздальскую землю, между тѣмъ какъ Димитрій бѣжалъ къ татарамъ, но не къ золотоордынскимъ, покровителямъ Андрея, а къ враждебнымъ имъ — ногайскимъ, кочевавшимъ въ южно-русскихъ степяхъ, у береговъ Чернаго моря. Ногай, бывшій прежде военачальникомъ въ Золотой ордѣ, теперь считался самъ полновластнымъ ханомъ, котораго

боялся даже и ханъ Золотой орды. Димитрій принять былъ здѣсь съ честью, конечно, благодаря соперничеству хановъ. Возвратившись на Русь съ ханской грамотой, Димитрію не пришлось прибѣгать къ мечу: Андрей добровольно примирился съ нимъ. Тогда же Димитрій послалъ въ Кострому бояръ своихъ, Антона и Теофана, которымъ поручено было выпытать Семена Тонгліевича объ Андреевыхъ планахъ и убить его; бояре исполнили волю князя: убили Семена, но о планахъ Андрея ничего не узнали. Вѣроятно, Андрей задумалъ отмстить брату за его самоуправство и за своего любимца: по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что въ 1284 г. Андрей пришелъ въ Торжекъ и позвалъ къ себѣ новгородскаго посадника Семена со «всеми старѣйшими людьми»; здѣсь князь и новгородцы цѣловали крестъ на томъ, что Андрей «не съступается Новагорода», а новгородцы не ищутъ другаго князя. Изъ Торжка Андрей пошелъ въ Суздальскую землю, но уступилъ, все-таки, Новгородъ Димитрію, такъ какъ, по извѣстію Татищева, Димитрій хотѣлъ идти на него ратью. Мало того: въ томъ же году зимой онъ самъ ходилъ съ Димитріемъ, съ которымъ были и татары, на Новгородскую землю, которая потерпѣла много зла. Новгородцамъ, тѣснимымъ въ это время со стороны Невы нѣмцами, ничего не оставалось дѣлать, какъ постараться о примиреніи съ великимъ княземъ: Димитрій сѣлъ на новгородскомъ столѣ¹³¹⁾.

Но Андрей, какъ видно, только въ силу необходимости примирился съ братомъ; въ душѣ же продолжалъ питать къ нему ненависть. Такъ, въ 1285 году онъ привелъ на Димитрія какого-то ордынскаго царевича съ татарами, которые, по обычаю, разбрелись по Суздальской землѣ для грабежа. Димитрій, соединившись «съ братьею своею», выгналъ этого царевича, а бояръ Андреевыхъ забралъ въ плѣнъ¹³²⁾.

131) П. С. Р. Л. I, 227; II, 346; III, 64; IV, 43; V, 199—201; VII, 174—178; XV, 405; Ник. III, 70—73; Тат. IV, 68. Всѣ эти событія совершились въ періодъ времени отъ 1280 до 1284 г. включительно. Такъ какъ отдѣльные эпизоды этого періода быстро слѣдовали одинъ за другимъ изъ года въ годъ, то, естественно, у лѣтописцевъ они являются: у однихъ, — сравнительно съ другими, — выходящими за предѣлы извѣстнаго года и переходящими въ слѣдующій годъ, у другихъ — наоборотъ. Во всякомъ случаѣ разница будетъ незначительная и естественная: одинъ лѣтописецъ извѣстное событіе помѣщаетъ подъ тѣмъ годомъ, въ который оно случилось; но это событіе своими послѣдствіями переходитъ въ слѣдующій годъ, подъ которымъ у другаго лѣтописца записывается и то и другое, т. е. и самое событіе и его послѣдствія, и наоборотъ. — Кар. (IV, пр. 161) считаетъ выдумкой извѣстіе Ник. лѣт., что Димитрій — какъ говорилъ хану Андрей — не хочетъ слушать ханской воли... Но Андрей, чтобы задѣть честолюбіе хана, самъ могъ выдумать это!.. — Послѣ того, какъ новгородцы разрушили Копорье, въ Новгородъ пришелъ Андрей. Супр. рук. говоритъ объ этомъ подъ 1282 годомъ, прибавляя, что новгородцы посадили его на столѣ въ недѣлю сыропустную.

132) Ibid.

Димитрій Александровичъ, какъ видно, хотѣлъ держать всѣхъ князей Суздальской земли подъ своей рукой. Такъ, смиривъ брата своего Андрея, онъ, въ **1288** году или около того, предпринимаетъ походъ на Михаила тверскаго, потому что, по выраженію лѣтописца, «не всхотѣ Михаилъ Тверскій поклонитися вел. кн. Дмитрію». Великій князь съ новгородцами и ихъ посадникомъ Андреемъ, съ братьями: Андреемъ городецкимъ и Даниломъ московскимъ, и съ кн. ростовскимъ, Димитріемъ Борисовичемъ (на дочери котораго, года за три передъ тѣмъ, женился сынъ великаго князя, Иванъ) двинулись на Тверь и подошли къ Кашину, гдѣ стояли девять дней, города не взяли,—но въ окрестностяхъ «все пусто сотвориша»; послѣ того, взявъ Кснятинъ, они пошли къ самой Твери. Михаилъ Ярославичъ, 17-ти-лѣтній юноша, хотя и вышелъ къ нимъ на встрѣчу, но дѣло до битвы не дошло; князья заключили миръ, но на какихъ условіяхъ — не извѣстно: вѣроятно, миръ не выгоденъ былъ Михаилу¹³³).

133) Ibid. III, 65; IV, 44; V, 201 (во всѣхъ подъ 1289 годомъ); VII, 179 (подъ 1287); XV, 406 (подъ 1288); Ник. III, 88 (подъ тѣмъ же годомъ). Послѣдняя въ перечнѣ князей, ходившихъ съ Димитріемъ на Михаила, помѣщаетъ и князя Димитрія ростовскаго, между тѣмъ какъ IV и V такъ говорятъ объ этомъ: «Ходи вел. кн. Дмитрей Александровичъ ко Твери ратию, позва съ собою новгородцевъ, и идоша новгородци съ посадникомъ Андреемъ; ратни же пожгоша волости ихъ, и миръ взя князь великій и отъиде. А князь Дмитрій ростовскій нача вѣдати всю свою отчину, и ходи къ Кашину ратию». Выходитъ, что кн. ростовскій какъ будто предпринималъ особый походъ на Кашинъ, независимо отъ похода в. князя. Далѣе: Ник. (III, 88) подъ 1290 годомъ говоритъ еще о походѣ Димитрія ростовскаго съ новгородцами и посадникомъ ихъ Андреемъ Климовичемъ на Тверь; но тверичи помирились съ новгородцами, а кн. ростовскій пошелъ съ ратью на Кашинъ, гдѣ и у него дѣло кончилось миромъ... Такъ ли все это было? Послѣ похода вел. кн. владимірскаго на Тверь, новгородцы, въ 1290 году, сняли посадничество у Андрея Климовича, котораго, затѣмъ, мы не видимъ дѣйствующимъ лицомъ до 1293 года (III, 65—66). Такимъ образомъ, очевидно, Ник. лѣтописецъ изъ одного похода вел. кн. владимірскаго сдѣлала два различныхъ похода, и походъ великаго князя 1288 или 1289 года повторяетъ подъ 1290, приписывая его Димитрію ростовскому. Что касается того, что между Димитріемъ Александровичемъ (на сторонѣ котораго былъ перевѣсъ матеріальной силы и житейскаго опыта) и Михаиломъ Ярославичемъ не произошло битвы, то Карамзинъ смѣло и рѣшительно, какъ несомнѣнный фактъ передаетъ, что Димитрій заключилъ миръ, «не смѣвъ рѣшиться на битву» и какъ бы призналъ тѣмъ самостоятельность Твери. Мы уже сказали, что всѣ шансы для побѣды были на сторонѣ Димитрія, и слѣд. миръ, надобно полагать, былъ невыгоденъ для Михаила. А что миръ заключенъ былъ безъ битвы, то это явленіе тогда было обычнымъ. «Становится замѣтнымъ, говоритъ другой историкъ (Сол. III, 239), какъ рѣдко на сѣверѣ князья вступаютъ въ битвы другъ съ другомъ: обыкновенно сошедшись, они заключаютъ миръ и расходятся». — Относительно причинъ похода Димитрія ростовскаго на Тверскую землю, похода самостоятельнаго, а не по приказанію вел. кн. владимірскаго, есть еще предположеніе: тверскіе князья могли воспользоваться происходившими до 1287 г. въ Ростовской землѣ ссорами между братьями (Димитрій и Константинъ Борисовичи и двоюродный братъ ихъ, Михаилъ Глѣбовичъ) и захватили нѣкоторые пограничныя ростовскія волости. По этой-то причинѣ, послѣ 1287 г., когда князья ростовскіе подѣлили между собою волости (слѣд. помирились), Димитрій Борисовичъ и могъ предпринимать походъ на Тверь. (См. В. С. Борзаконскаго: «Ист. Тверскаго Княж.», прим. 368). Пред-

Какъ увидимъ въ послѣдствіи, Андрей все еще не оставлялъ мысли о враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ брата. Димитрій, вѣроятно, и замѣчалъ это, — но не хотѣлъ безъ явныхъ поводовъ усмирить его. Можетъ быть, для обезпеченія себя отъ враждебныхъ дѣйствій Андрея совместно съ татарами, не хотѣлъ-ли онъ задобрить послѣднихъ и — не съ этою ли цѣлью, въ 1292 году, онъ посылалъ сына своего Александра въ орду (Ногаеву), который тамъ и умеръ?¹³⁴

Занятый дѣлами, болѣе близкими его сердцу, Димитрій, какъ князь новгородскій, не оставлялъ, однако, безъ вниманія и Великаго Новгорода. Такъ, въ томъ же 1292 году его воеводы ходили съ новгородцами на нѣмцевъ, которые беспокоили Новгородскую землю, конечно, потому, что сами новгородцы не упускали случая пограбить враждебныхъ имъ сосѣдей: какъ лѣтопись выражается, новгородскіе «молодци» дѣлали въ этомъ году набѣги на Емь, чѣмъ и вызвали непріязненные дѣйствія со стороны шведовъ¹³⁵).

Въ 1293 году Андрей Александровичъ, привлеки на свою сторону князей ростовскихъ, Димитрія и Константина Борисовичей, и Феодора Ростиславича ярославскаго съ зятемъ его, Михаиломъ Глѣбовичемъ бѣлозерскимъ, ходилъ въ орду (Золотую), гдѣ тогда ханомъ былъ Тохта; жаловался послѣднему на брата своего и успѣлъ выхлопотать рать, съ которой Тохта отпустилъ своего брата Дуденя. Пришедши въ Суздальскую землю, татары разорили Владиміръ, Москву, Дмитровъ, Волокъ, Переяславль, Юрьевъ, Коломну и многіе другіе города. Димитрій Александровичъ, предъ ихъ приходомъ, сбѣжалъ сначала въ Волокъ, а потомъ — во Псковъ... Татары хотѣли идти на Тверь, куда отовсюду сбѣжалось множество народа, рѣшившагося положить головы свои, если бы пришли татары. Слухъ ли объ этой рѣшимости коренныхъ и пришлыхъ тверичей, или слухъ о при-

положеніе (Твер. губ. вѣд. 1867 г., гдѣ помѣщенъ «Истор. очеркъ Кашина»), что Кашинъ въ XIII в. принадлежалъ Ростову (почему Димитрій и ходилъ къ Кашину), а потомъ перешелъ къ Твери, въ видѣ приданаго, съ Анной Димитріевной, вышедшей за тверскаго князя, не выдерживаетъ критики: Михаилъ женился на Аннѣ ростовской въ 1294 г., а походъ былъ гораздо ранѣе, въ 1290; притомъ, на свой городъ, по замѣчанію г. Борзаконскаго, Димитрій не пошелъ бы (*ibid.*), хотя, надобно замѣтить, въ подобныхъ случаяхъ князья не церемонились и съ своими городами. — Относительно брака сына Димитріева Ивана на княжнѣ ростовской въ лѣтописяхъ существуетъ разногласіе: Ник. (III, 85) и Воскр. (VII, 179) относятъ его къ 1286 г.; но та же Ник. въ другой разъ (*ibid.* 89), а также Твер. (стр. 406) и Троиц. (I, 227) говорятъ объ этомъ бракѣ подъ 1292 годомъ. Но объ этомъ еще будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

134) *Ibid.* I, 227; III, 65; IV, 44; V, 201; VII, 180; Ник. III, 89. Карамзинъ (IV, 87) положительно такъ думаетъ.

135) *Ibid.* III, 65; IV, 44; V, 201.

ближеніи къ городу возвращавшагося изъ орды тверск. князя подѣйствоваль на татаръ, — только они на Тверь не пошли, а обратились на Волокъ. Теперь новгородцы высылаютъ къ нимъ пословъ съ дарами, прося ханскаго брата пощадить ихъ землю, а Андрея зовутъ къ себѣ на столъ. Дудень «вспяти» свою рать; то же сдѣлалъ и Андрей, а самъ пошелъ въ Новгородъ. Такимъ образомъ, Владиміръ и Новгородъ остались за Андреемъ, а союзникъ его, Ѳеодоръ Ростиславичъ, сѣлъ въ Переяславль; Димитріева же сына Ивана они вывели въ Кострому. Между тѣмъ, Димитрій Александровичъ, вѣроятно, считая себя небезопаснымъ отъ враговъ своихъ во Псковѣ, рѣшился бѣжать въ Тверь. Андрей, узнавши объ этомъ, съ посадникомъ Андреемъ Климовичемъ и новгородцами, бросился въ Торжекъ, чтобъ перехватить тамъ брата. Хотя Димитрій самъ и благополучно пробрался въ Тверь, но обозъ его достался въ руки Андрея и новгородцевъ. Изъ Твери, конечно, при участіи въ этомъ тверскаго князя Михаила, Димитрій послалъ въ Торжекъ тверскаго владыку съ какимъ-то кн. Святославомъ для переговоровъ о мирѣ, который и былъ заключенъ: Димитрій отказался отъ великаго княженія и хотѣлъ провести послѣдніе дни въ своемъ любимомъ Переяславлѣ. Вѣроятно, съ досады, что лишается приобрѣтенія, Ѳеодоръ Ростиславичъ, союзникъ Андрея, оставляя Переяславль, сжегъ его. Димитрій отправился въ свою отчину черезъ Волокъ; въ пути онъ заболѣлъ, постригся въ чернецы и — умеръ. Это было въ 1294 году. Тѣло его изъ Волока перевезли въ Переяславль и тамъ похоронили въ Спасо-преображенскомъ соборѣ¹³⁶).

Отъ брака съ неизвѣстной намъ супругой Димитрій Александровичъ имѣлъ троихъ сыновей: Ивана, Александра и Ивана меньшаго и дочь Марію, бывшую за кн. псковскимъ Довмонтомъ, и еще двухъ дочерей, имена которыхъ намъ неизвѣстны¹³⁷).

136) Ibid. I, 228; III, 65—66; IV, 44, 183; V, 10, 201—202; VII, 180—181; XV, 406—407; Ник. 90—92. См. прим. 147.

137) Нѣкоторые родословныя (какъ Головина, М. 1851) даютъ Димитрію одну дочь, бывшую за Довмонтомъ; М. Д. Хмыровъ («Алф.-справочный перечень»... Вып. 1, № 69) — также одну дочь. Мы знаемъ, что у Димитрія была дочь Марія, на которой женился Довмонтъ (П. С. Л. V, 7); знаемъ также, что — по лѣтописямъ — новгородцы, въ 1282 году, когда хотѣли заставить Димитрія — очистить Копорье отъ дружины его, взяли *двухъ* дочерей Димитрія въ таль (залогъ). Вышецитированное мѣсто изъ 2-й Псковской лѣтописи продолжается такъ: «Паки же, на другой годъ, кн. Домонтъ съ мужи своими Псковичи иде въ посobie *тестю* своему вел кн. Димитрію на Нѣмецъ»... Если новгородцы въ это время взяли *двухъ* дочерей Димитрія, а Довмонтъ является уже женатымъ на дочери его, то — очевидно — у Димитрія было три дочери. Очень можетъ быть, что лѣтопись переднимъ числомъ называетъ Димитрія *тестемъ* Довмонта... но и тогда у перваго будетъ двѣ дочери, а не одна. — Старшаго и младшаго сыновей Димитрія Александровича нѣкоторые смѣшиваютъ, о чемъ будетъ сказано въ концѣ книги, въ I приложеніи.